

Гусиная пастушка

«Не такая уж важная птица – гусь. Очень надо его бояться», - думал Андрейка который день.

Ну, что в нем особенного? Шея длинная, лапы оранжевые. Да ещё шипит, как ненормальный. Вытянет шею, клюв выставит и идет на тебя тараном. Вот бы замахнуться палкой и дать ему по шее! Но папа недаром говорит, что Андрейка нежного воспитания, и палку Андрейка не возьмет, а голыми руками отогнать не может – боится.

Недавно среди старых книг Андрейка нашел рассказ «Володя и книги». Там говорилось про одного мальчика, который шел из библиотеки с книгами, а на него со всех сторон гуси напали. Так этот мальчик за книги испугался, как бы гуси библиотечные книги не разорвали. Он упал на них спиной и ногами от гусей отбивался, книги спасал... Ну, наверное, смелый был мальчик Володя. А Андрейка получается трус? Не хотелось Андрейке быть трусом.

Он гусей-то живьем только в этом году увидел. Приехали они с мамой в гости к ее подруге, в деревню. Сначала Андрейке очень здесь понравилось. Дом у тети Тани был большой, светлый, а двор такой, что на роликах можно кататься. Две кошки в сенях жили, а во дворе – здоровенный пес Мухтар. Никого Андрейка не боялся. С Мухтаром подружился сразу, корову Збрю гладил и даже доить пробовал под тети Таниным руководством, поросят по спинкам хлопал и кур кормил. А красавец-петух хоть подружиться и не захотел, но Андрейку сторонился, только косился темным круглым глазом. Мама смеялась, прижимала Андрейкину голову к груди:

- Андрей-воробей у нас с любой живностью общий язык найдет.

Знала бы она!

И ребята в деревне были хорошие. Не дразнили городского мальчишку и не приставали. Пару раз брали ролики покататься, звали

купаться на ставок, научили свистульки делать из мышиного гороха – стручков акации. Немного портила жизнь дочка тети Тани, Наташка, но это мелочи.

И все было бы хорошо, если бы не гуси...

Три дня назад мама разбудила Андрейку ни свет ни заря и сказала:

- Вставай Андрюша, пойдем воды из колодца на зорьке попьем. Утром она самая вкусная. Ты такой никогда не пил.

Кто же откажется?

Андрейка мигом вскочил, оделся, позвякал умывальником на кухне и выскочил на высокое крылечко. У-у-ух! Зажмурился от света, рукой прикрыл глаза, но июльское солнце жаркое, щедрое, высветило ладонь, сделало розовой и прозрачной, и с прежней упругой силой бьет по глазам, просачивается сквозь пальцы.

- Андрей, догоняй! – крикнула мама из-за ворот.

И Андрейка бросился вдогонку.

Деревня – не то что город, просыпается рано. Горланят петухи по заборам, гремят ведра в хлевах, слышится перебранка из какого-то дома, на большой дороге трубит пастуший рожок: «Выгоняйте коров изо всех из дворов!»

Скрипучей музыкой запел ворот колодца, зазвенела, заклацкала цепь, пустое ведро застучало о стенки и будто засмеялось.

- Вкусно? Ну, вкусно? – стала допытывать его мама.

Андрейка, жмурясь, кивнул...

От колодца шли медленно, молча У кладбища мама сказала:

- Ты беги домой, а я к бабе Дарье зайду.

Андрейка кивнул и пошел домой один, стараясь не смотреть на ворота кладбища, на пестроту памятников и крестов за ними, на неясные лица на фотографиях. Он не боялся, но неловко было, будто невнимательным взглядом он мог потеревить чужую печаль. Самого Андрейку эта печаль

еще ни разу не коснулась. Баба Дарья была маминой бабушкой, умерла давно, и Андрейке иногда казалось, что она не умерла, а живет неподалеку в низеньком домике с зелеными ставнями.

В общем, день обещал быть замечательным, и надо же, все испортили гуси!

Они вывернули из проулка, целое войско! Сверкая белыми перьями и гогоча, они двигались Андрею навстречу. В центре – поменьше, подросшие гусята, по краям – толстые, мощнолапые, злые. Тянули шеи, вышагивали.

Андрейка в нерешительности остановился. Свернуть в проулок? Нет, уже не успеть. Обойти стороной не получится – расплзлись по всей улице. И обратно уже не повернуть: будет очень похоже на бегство. И гусями-то (как назло!) командует девчонка! Тонконогая, загорелая, кожа на носу облезла, светлые волосы висят сосульками, едва-едва прикрывая уши. Гуси приближались. Гусята заволновались, большие угрожающе зашипели, переходя почти на свист.

А что он им сделал?! Просто мимо шел!

«Защипают! – мелькнуло в Андрейкиной голове. – До смерти ведь могут... Да помогите! Ну уж, не до смерти... Ма-а-ма-а!» Андрейка заверещал бы точно, но от страха у него челюсти свело. Да и мама была далеко, помочь не могла. Зато встретился Андрейка с насмешливыми серозелеными глазами маленькой пастушки. Она улыбнулась, будто гуси – невинная собачка, которая лает, а кусать не кусает.

- Фьють! - крикнула девчонка и замахала длинным тонким прутом, отгоняя гусей от Андрейки и сбивая их в кучу. – А ну пошли, пошли отсюда! Вот дураки... Кому говорю! Фьють, фьють!

Ловко согнав своих подопечных, девочка погнала их по дороге. Обернулась, и от поворота головы волосы описали золотой полукруг, сказала, прищурив глаза:

- Приезжий небось?

- Небось, - тихо ответил Андрейка, дивясь странному слову. Оно показалось Андрейке обидным, насмешливым. А тут еще какая-то старуха в цветастом платке крикнула на всю улицу:

- Ишь, Босоногая, напугала мальчонку, сладу с тобой никакого нет!

Вечером поднялся большой напористый ветер. Андрейка забрался на чердак. Чердак был щелястый и ветер гудел в нем, как в большом гулком барабане. Сквозь щели Андрейка видел кусочек улицы, ветки тополя, забор соседнего дома, крыши... Слышал, как тетя Таня сердилась:

- Зб́ря, Зб́ря! Иди скорее, чего ты плетешься, как старуха дряхлая, позади всего стада?!

Грустно было Андрейке. Теперь эта девчонка всей деревне расскажет, как он гусей испугался.

- Чего с него взять, с городского! – презрительно ответят ей мальчишки.

И все из-за каких-то гусей!

За ужином Андрейка спросил:

- Теть Тань, а почему вы гусей не держите?

- Еще чего не хватало! – всплеснула руками тетя Таня. – И так с Наташкой еле справляемся. Да и не люблю я их. А чего это ты вдруг?

- Да так... - стараясь быть равнодушным, сказал Андрейка. – Встретил сегодня девчонку с гусями...

- Девочку, - поправила мама.

- А-а, это Леся Босоногая. Полинина внучка. Огонь-девчонка! Как с ней Полина справляется? Родители-то у нее деловые, Полинин-то сын, Пашка-то, он сейчас рестораны в городе держит, а любезная его все по заграницам мотается. А дочке-то няньку наняли: она ее танцам обучала, языкам, музыке. Уморила, видать, девчущку, она к бабке-то и приехала. Одна, без вещей, в платьице легком. «Вот она я – говорит, - если не хочешь, чтобы я по подвалам шлялась, бери к себе. Пожалей, раз бабка, а

из дома я все равно сбегу». Шесть лет было девчонке. Полина туда-сюда, в город к сыну рванула, что, мол, ты, окаянный, делаешь? Но он ее, видно, уговорил, то ли деньгами, то ли жалостью, я уж не знаю. С тех пор здесь Леся и живет. С моей Наташкой в классе учится, - тетя Таня рассказывала и проворно убирала со стола, накрывала чай. Поставила большие кружки, похожие на пиалы, варенье из ревеня, чашку с румяными маленькими пирожками – с капустой, с мясом и со щавелем. – Да, ладно, Полина-то еще молодая, крепкая, но была бы девочка как девочка, а то ведь согрешишь с такой. По весне пастухи взяли с собой (она ведь как заноза пристанет – не отвяжешься), вечером стадо встречаем, глядим, а Леська-то наша, самого норовистого быка, Микуловского оседлала и едет впереди всех! Микулов как увидел, чуть удар его не хватил, а она только смеется да за уши бычищу этого треплет. «Дядя Гриша, - говорит, - какой бык у вас лапочка!» Нашла лапочку!

Андрейка совсем скис. Даже мама заметила:

- Что с тобой, Андрюша? Устал?

- Да... - промямлил тот в ответ. Не признаваться же, что перед этой самой Лесей сегодня гусей испугался. - А почему ее Босоногой зовут? – спросил он.

- Да бегают босиком до самых холодов. У нее уже подошвы, как деревянные.

- Вот так девочка! – изумилась мама, обнимая Андрейку. – Как же она с быком совладала?

- Ну, уж не знаю, - вздохнула тетя Таня. – Говорят, будто слово какое-то она знает. Да, наверное, просто страха у нее нет, животные ведь чувствуют, когда их бояться.

- Ох, - сказала мама, - бык, корова – это еще ладно, у них хоть глаза человеческие, а гуси... гусей я сама боюсь.

- И не говори! У нас только Полина их и держит, да еще Матерниковы. А Полине-то сын привез, платит ей за гусей этих, у него в

ресторанах гуси – вроде как коронное блюдо. Так бы стала она их держать, как же! Мороки больше... Я их тоже боюсь: вылупятся на тебя и шипят, будто режут их.

Тетя Таня глянула в окно, сказала в сердцах:

- Когда же дождь будет? земля вся сухая!

А Андрейка вздохнул украдкой – оттого, что мама и тетя Таня тоже бояться гусей, ему стало чуточку легче.

Ночью снился Андрейке дождь, большой, хлесткий, но теплый.

Снилось ему, будто Леся Босоногая бежит по дороге под этим дождем, держит в руках большие лапти и, запрокинув лицо, подставив его дождю и солнцу, смеется, щуря длинные серо-зеленые глаза. А сам Андрейка стоит у калитки дома, где раньше баба Дарья жила и думает: «Зачем ей лапти, она же Босоногая?» Увидела его Леся и кричит:

- Ты откуда взялся синеглазый такой? Гусей-то небось боишься?

- Боюсь, - признается Андрейка робко.

- А я слово знаю, меня бабка Дарья научила. Я слово волшебное скажу, и никто меня не тронет, ни зверь, ни человек.

- Баба Дарья умерла давно, врешь ты все!

- Фью! – смеется Леся. – Много ты знаешь, синеглазик!

Подбежала к нему Леся, схватила за руку и тащит на дорогу под дождь.

- Пойдем, я научу тебя по лужам бегать.

- Я умею, - сопротивляется Андрейка. – Лучше ты мне слово скажи.

- А вот ты меня догони – скажу!

И бросилась бежать от Андрейки по лужам, поднимая мутные брызги, по траве, мокрой и скользкой, по деревянным тротуарам. Быстро бежала Леся, размахивая лаптями. Так и не догнал ее Андрейка, не узнал волшебного слова.

Загорланили петухи, сон скомкался и оборвался.

После завтрака мама сказала:

- Мы с тетей Таней съездим в Калиновку, к вечеру вернемся. Вы с Наташей хозяйничайте, хорошо?

Было совсем не хорошо, потому что Наташка придира и зануда, но Андрейка проситься не стал. Раз мама братъ его не хочет, то и пожалуйста, не очень-то и хотелось! Мама сказала только на прощание:

- Не печалься, Воробышек, мы скоро. И не забудь пообедать...

Наташка, конечно, сразу начала задаваться. Еще бы! Ведь она старше Андрейки на целый год! А выше – головы на две. Каланча...

- Я пойду за водой, а ты сходи на пруд, принеси песка, нам песок для кактусов нужен. Мама хочет кактусы посадить, а им необходима песчаная почва.

Будто Андрейка не знал, что кактусам нужно! Это ведь они с мамой привезли тете Тане целый кактусятник, штук 15 кактусиных росточков разных-преразных.

И чего эта Наташка воображает? Еще и крикнула вдогонку:

- Целое ведро не носи, тяжело будет. Надорвешься!

Думает, если вымахала с телебашню, то и сильнее его? Спица бестолковая... Андрейка шел неторопясь, помахивая ведром, пусть Наташка не думает, что он бежит и тапочки теряет выполнять ее поручения!

Пруд в деревне был маленький, ивы вокруг столетние, трава высокая, осока и камыши, калужница по берегам цветет, а в центре – белые кувшинки. В пруду никто не купается, говорят, будто омутов и воронок здесь много, затянет – крикнуть не успеешь. Но мостки все равно сделали. Женщины полоскали с них белье, мужики рыбачили. Мальчишки ходили сюда ловить раков. Ходил один раз с ними и Андрейка. А вечером они

часто с мамой здесь гуляли. Мама читала стихи, которых много знала наизусть и то и дело говорила:

- Смотри, Андрейка, как красиво!

В общем, пруд Андрейка любил. И надо же! Опять эти гуси! Загнала их Леся Босоногая в воду, сама встала на мосток, прутиком забила по воде:

- Фьют! Фьют! Пошли, пошли купаться! А ну, Обжора, не поворачивая к берегу. Матушка, стереги-ка детей. Вон Гераська уплывет сейчас!

Голос у Леськи звонкий, громкий, на весь пруд слышно.

- Ну, эта всю рыбу распугает, - проворчал рядом с Андрейкой какой-то дед, хотя ни одного рыбака видно не было.

«Еще и имена всем дала», - подумал Андрейка и стал набирать руками темный береговой песок.

Набирал и видел, что Леся на него поглядывает, только разобрать не мог какой у нее взгляд. Хотя чего там... презрительный конечно. Мальчишка, а гусей боится!

- Аа – а – аа - а! – раздалось вдруг над прудом.

Андрейка вскинул голову и ахнул – пуст был мосток, а в воде неумело барахтается и кричит Леська!

Плавал Андрейка хорошо. Недаром с трех лет мама водила его в бассейн, а летом возила на море. Про воронки и омуты в пруду он, конечно, забыл и вспомнил только тогда, когда потащил девчонку к берегу.

«Ой, мама!!! – обожгло Андрейку, но Леська так доверчиво держалась за него, что Андрейка подумал. – Ничего, доплывем!»

Мысли скакали у Андрейки, как мячики: «Пусть она гусей не боится, зато я вон как плаваю... Ой, если мама узнает, что я в пруду купался, ой, она меня убьет... Вот вылезем, я ей скажу: «Что же ты, гусей пасешь, а плавать не умеешь...» Ну, я же не купался, я человека спасал... Есть

разница? Я ее спас, попрошу, пусть мне слово волшебное скажет... Да ведь это во сне...»

- А ну пусти! Пусти меня, здесь уже мелко! Чего вцепился!

Андрейка опешил. Это он вцепился?!

- Я тебе между прочим жизнь спас... - растеряно сказал он. Воды было уже по колено, берег – в двух шагах. Леська сделала эти два шага и посмотрела на Андрейку. Смешливо растянула пухлые губы.

- Ох, уж спас! – усмехнулась она, отжимая платье. – Будто я плавать не умею!

- Да уж, умеешь ты! – насмешливо протянул Андрейка. – Видел я, как ты плаваешь, прямо чемпионка!

- Ну, до тебя, до чемпиона, мне, допустим, далеко, хоть прямо, хоть криво, а выплыть - выплыла бы.

- Ну и выплывала бы! – рассердился Андрейка (Он! Из-за нее! А она!..) – Чего тогда голосила?

Лесья посмотрела на него долгим взглядом, откинула голову (волосы - мокрые сосульки) и сказала серьезно и неторопливо:

- А я поглядеть хотела, будешь ты меня спасать или нет. Я специально прыгнула с мостка.

Андрейка чуть в воду не сел. Ну и дела! Он медленно выбрался на берег. Снял и выжал футболку, грустно посмотрел на капающую с шорт воду.

- Ты, выходит, проверить меня хотела? – спросил он глядя на нее в упор.

Лесья вроде бы чуть-чуть смутилась, пожала плечами и закричала:

- Фьють! Фьють!

Побежала на мосток, забила прутом по воде, сгоняя гусей к берегу. Андрейка, заставляя себя не торопиться, набрал в ведро песок, вымыл руки. Гуси стали выходить на берег, отряхиваться. На мальчишку с ведром они внимания не обращали.

Андрейка опасливо их разглядывал. Сейчас они не казались ему такими уж страшными. Птицы как птицы. Вроде кур или петуха.

Подбежала Леся, стрельнула озорными глазами с мокрыми ресницами, улыбнулась:

- Вроде бы все в сборе... Айда домой! – и по-дружески сказала Андрейке, - Ты их не бойся, я их в строгости держу.

Обратно шли рядом. Разговаривали.

- Ты из города небось приехал?

- Небось, - улыбнулся Андрейка, и спросил, вспоминая сегодняшней сон. – И как ты только с ними управляешься?

- С гусями-то?

- Говорят, что ты слово волшебное знаешь для всех животных.

- Кто же это говорит? – усмехнулась Леся.

- Ну... ну, тетя Таня сказала.

- А – а, - непонятно протянула Леся и замолчала.

«Не хочет говорить», - понял Андрейка и не удержался:

- А правда, что ты быка Микуловского оседлала?

- Правда, - улыбнулась Леся, тряхнула головой и высохшие волосы описали золотой полукруг. – А правда, что в городе все не в свои дела лезут и дурацкие вопросы задают?

Она ускорила шаг, оставив растерявшегося Андрейку посреди улицы.

Мама и тетя Таня приехали, когда солнце село за прудом, облака потемнели, тени залегли в каждой складке улицы. Андрейка и Наташа успели убрать двор, прополоть две грядки, накормить кур и поросят, поужинать и окончательно поругаться. До чего же противные становятся девчонки, если их вдруг оставляют за старшего! То придралась к Андрейке, что он долго за песком ходил, то сени плохо вымел, то курам не столько насыпал, то не ту траву вырывает да не туда складывает.

- Как ты меня достала! – не выдержал Андрейка.

Но потом приехала мама и сразу все стало хорошо.

Уже поздно-поздно вечером, когда Андрейка, прильнув головой к маминому плечу, начинал засыпать, пришла Леся. Она принарядилась, надела белое платьишко в синий горох и даже белые легкие сандали.

- Здравствуйте, тетя Таня!

- Здравствуй, Лесенька. Ты к Наташе?

- Нет... Я к мальчику.

- А – а! К Андрейке?

- Да. К Андрейке.

Тетя Таня хотела было уже пойти позвать его, но Леся ее остановила:

- Вы не зовите, поздно уже. Вот, передайте, ладно?

Она что-то сунула тете Тане в руку и побежала прочь, звонко щелкая подошвами по деревянным тротуарам.

Но ничего этого не слышал уставший Андрейка – он крепко спал, положив голову на мамины колени.

- Вот, Леся Босоногая принесла, - сказала тетя Таня, подавая Андрейкиной маме круглую деревяшку. – Для твоего сказала.

- «За спасение утопающей», - прочитала мама выжженные кругом слова. – Ничего не понимаю!

Утром учинили Андрейке допрос. Что за спасение? Кто тонул? Когда он с Лесей познакомился?

- Что вообще все это значит?! – мама положила перед Андрейкой Лесину медаль. – Ты можешь мне объяснить, Андрей?

- Ну... - замялся Андрейка, разглядывая медаль. – Я вчера за песком пошел. Для кактусов, - он поднял глаза на маму и тетю Таню.

- Ну?

- А там эта Леся. С гусями. Вот.

- Дальше, - потребовала мама.

- Она в воду упала.

- И ты полез ее спасать?

- Ну, мама! – вспыхнул Андрейка. – Я же хорошо плаваю, ты сама говорила. Что же мне стоять и смотреть, как человек тонет?!

- Тем более такая симпатичная девочка, - улыбнулась тетя Таня.

- Кто симпатичная? Леська?! – вытаращила глаза Наташка и фыркнула, как кошка Дашка.

- Тебя не спрашивают, - отшила ее тетя Таня. – Что-то Леся совсем – на ставке гусей своих купает!

- На каком же ставке! – мстительно засмеялась Наташка. – На ставке песка нет, я его на пруд посылала.

- Ты посылала! Я и без тебя знаю, куда идти надо, - возмутился Андрейка.

- Куда?! – глаза у мамы стали ужасающе большими и круглыми.

- На пруд... - промямлил Андрейка, слабея.

- Та – ак... - нехорошо протянула мама. – Кто-то мне слово давал, что без меня на пруд ни ногой?

- Ну мама! Я же за песком!

- И искупался за одно.

- Со дна что ли песок доставал? – влезла Наташка-ехидна.

- Да не купался я! Я человека спасал! – Андрейка чуть не плакал. Что за жизнь? Попробуй докажи теперь что-нибудь трем рассерженным женщинам!

- Это Босоногую что ли? – усмехнулась тетя Таня. – Чего ее спасать, она лучше всех в деревне плавает. Любого парня обгоняет и по скорости и по длительности.

- У нее жабры вместо легких, - убежденно сказала Наташка.

- Дура! – огрызнулся Андрейка и выбежал из дома.

Но за воротами остановился: куда теперь идти? Будь неладна эта Леська со всеми своими гусями! Теперь она еще и лучшая пловчиха!

«Побью! – зло подумал Андрейка. – Думает, если гусей и быков не боится, плавает лучше всех, то все можно, да? Медаль притащила специально, чтобы посмеяться! Побью ее, пусть не задается!»

Андрейка уверенно шел по дороге. Вчера он тайком проводил Лесю с гусями до дома и узнал, где она живет. Большой дом с зеленой крышей и ветряком, похожим на штурвал. Сейчас он постучит в ворота и пусть хоть сто гусей на него выскочат, хоть тысяча, он им задаст, он им покажет, вместе с их пастушкой!

Но у калитки Андрейка остановился в нерешительности. Все-таки он был мальчиком, а она – девочка. Бить девочек нельзя ни при каких обстоятельствах.

Андрейка пошел вдоль редкого забора. Ух, если бы Леська была мальчишкой! Он бы тут же вызвал ее на дуэль, поводов достаточно.

Андрейка очень злился и не сразу заметил, что по другую сторону забора кто-то идет рядом с ним.

- Андрейка! – позвали его.

Он сердито стрельнул глазами. На него виновато смотрела Леська Босоногая.

- Чего тебе? – крикнул Андрейка.

Леська подошла вплотную. Приблизились ее длинные глаза с темными ресницами. Вблизи они показались еще зеленее, и внутри каждого плавало темное солнышко зрачка.

- Не сердись на меня, пожалуйста, - попросила Леська. У Андрейки даже щекотно в горле стало, будто перекатывался там пушистый шарик.

- За что это я сердиться должен? – угрюмо спросил Андрейка.

- Ну... - Леська потупила взор, сколупнула ногтем кусочек краски на заборе. – Тебе попало наверное, за то, что ты меня спасал, - в глазах ее мелькнули смешинки и погасли.

- С чего ты взяла?

- А ты весь такой сердитый, такой решительный... - улыбнулась Леся.
- Я тебя в окошко увидела. Думала, ты драться идешь.

- И иду!

- Со мной? – распахнула глаза Леся.

И Андрейка вдруг представил, как у Леси, увидевшей его в окно, дрогнуло сердце и как она маленькая и притихшая, затаясь где-нибудь в сумеречных сеньях, ждала его стука в калитку. Вот сейчас, совсем скоро, через секунду...

И Андрейка сказал сдаваясь:

- Да нет, шучу я... А ты почему гусей не пасешь?

- А, - махнула Леся рукой и Андрейка почувствовал, что она вздохнула облегченно. – Сегодня бабушкин день. У меня два выходных в неделю. Полезай сюда, я тебе свой чердак покажу, - предложила Леся и отодвинула доску в заборе.

«Какая она странная, - подумал Андрейка. – То насмешливая, то такая... будто подружиться хочет. Вот Наташка если вредина, то вредина постоянно, а эта... и не знаешь чего от нее ждать. Заманит сейчас в какую-нибудь ловушку», - и полез в лазейку.

- Осторожно, тут крапива, никак избавиться от нее не можем. Не уколись, это боярышник, - ведя Андрейку по огороду говорила Леся. – Вот еще, репейник вылез... Ой, ты на бабушки розы наступишь!

- Какое у вас все колючее, - поежился Андрейка.

Леся засмеялась:

- А я сама с колючками. Как репей. Вот пристану к тебе, не отвяжешься!

- Ну и пожалуйста, - почему-то смутился Андрейка и стал смотреть под ноги.

На чердаке у Леси было замечательно. Лежала охапка пахучего сена, стояли в рядок четыре старых стула с поломанными спинками, в углу была свалена ненужная утварь, книги в коробке...

Они уселись на сено. Леся сказала строго:

- Только не шуметь. Бабушка вернется, услышит, рассердится. Она не любит, когда я здесь

- Ага... - почти шепотом ответил Андрейка и спросил – А имя у тебя откуда такое интересное?

- Ох уж! На самом деле меня Александрой зовут, Сашка. А бабушка сердится: «Что за имя, как у парня!» И шутейно звала меня Ляксандрой, Лясей. Потом уже в Лесю переделали...

- Красиво получилось.

- Мне тоже нравится... Андрейка, ты, правда, не обижайся за вчерашнее.

- Да ладно, чего там...

Косой солнечный луч проникал через чердачное окно и освещал Леськины круглые коленки, руки, острый подбородок и кончики волос.

- Зачем ты волосы так коротко стрижешь? – спросил Андрейка.

- О, длинные мне красоты все равно не прибавят, - мрачно усмехнулась Леся.

- Тебе и не надо, - бухнул Андрейка и перехватив Лесин взгляд, поспешно добавил. – Ты и так красивая, - и ощутил где-то под сердцем и коленками острый холодок.

- Ох уж! Это кто же так считает?

- Ну... ну, тетя Таня сказала, что симпатичная ты девочка.

- Ее-то Наташка всяко посимпатичнее.

Андрейка не нашелся, что ответить, хотя чувствовал, что Леся, ждет от него чего-то, а что ответить? Что вообще в таких случаях говорят?! А Леся смотрела на Андрейку, внимательно, будто изучая его лицо. Андрейке даже неловко стало. Какая-то теплая, мучающая волна стала

подниматься у него внутри. И было непонятно, жутко и весело, как от близкого приключения.

- А еще что тебе про меня наболтали? – спросила она наконец.

- Да ничего... Про быка Микуловского только.

- А – а – а... Ну ладно. Знаешь, в деревне про меня всякое услышать можно, ты не верь ничему.

- А что всякое-то?

- Ну... - недовольно поморщилась Леся, - Говорят, что я странная. Пусть! Мне то что? А ты... ты как наш дом нашел?

Густая краска растеклась по Андрейкиному лицу. Даже под дулом пистолета он не признался бы сейчас, что следил вчера за Лесей. А мучительно-горячая и нежная волна не отступала, а Леся смотрела так пристально, выжидательно, что Андрейке захотелось быть самым остроумным, самым красивым, веселым, мужественным... И чтобы Леся обязательно улыбнулась и подумала: «До чего славный этот Андрейка!» И Андрейка сказал очень серьезно:

- А я выхожу из дома, глядь – Микуловский бык идет, я у него и спрашиваю: «Уважаемый бык, не подскажете ли, где Леся живет, которая вас по весне оседлала?» А он мне в ответ: «Как же, как же, мы с ней большие друзья-приятели, она мне очень нравится! Вон ее дом» И копытом машет, твой дом показывает.

Леся звонко расмеялась, как и хотелось Андрейке.

- Вот правду Наташка говорила, что ты с любой живностью поладишь!

Да что она в самом деле?! Опять издеваться? И давясь признанием, Андрейка пробормотал:

- Ага, с любой... А гусей испугался.

Он ждал, что Леся, бесстрашная гусятница, с прекрасными зелеными глазами, поднимет его насмех и скажет: «Ну нет, с трусом я дружить не стану!» Но она сказала просто:

- Ну и что? Я сама их долго боялась. А меня бабушка научила. Надо говорить: «Режу – режу – перережу», быстро-быстро говорить, без остановки, и пальцы ножницами делать. Вот так, - она показала как. – И тогда они не тронут.

И доверчиво придвинувшись к Андрейке, Леся тихонько призналась:

- Я до сих пор иногда так делаю. Только ты не говори никому на свете, ладно? Я только тебе, по секрету...